

История философии. Социальная философия

УДК 001.32+1(091)470+008.001

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-10-44

«Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза». Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина Часть вторая

Владимир И. Шаронов

*Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Калининград, Россия,
sharonovi@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой вторую, заключительную часть реконструкции обстоятельств послевоенной жизни Л.П. Карсавина в Литве, непосредственно предшествующей его аресту. Автор статьи показывает, как философ пытался найти место в Советской Литве, но не смог соответствовать ожидаемой от него степени лояльности. На строго документальной основе описываются отношения мыслителя с Вильнюсским государственным университетом, Вильнюсским государственным художественным институтом, Вильнюсским художественным музеем; восстанавливаются обстоятельства ареста дочери Карсавина – Ирины; документируется поездка Карсавина в Ленинград в 1948 г. и в Москву – в 1949-м. Автор подчеркивает, что дискуссии по поводу роли и научного статуса Л.П. Карсавина и В.Э. Сеземана в конце 1940-х гг. должны быть включены в широкий идейный контекст идеологических кампаний тех лет (против объективизма, космополитизма и низкопоклонства перед Западом).

Статья вводит в научный оборот комплекс архивных документов, имеющих важное значение для истории русской мысли.

Ключевые слова: Лев Карсавин, Ирина Карсавина, Василий Сеземан, классическое евразийство, история русской религиозной философии

Для цитирования: Шаронов В.И. «Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза». Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина. Часть вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 10–44. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-10-44

© Шаронов В.И., 2024

“I would like to get a job
in one of the warm republics of our Union”.
New materials for the biography of L.P. Karsavin
Part Two

Vladimir I. Sharonov

*Western branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Kaliningrad, Russia,
sharonovvi@gmail.com*

Abstract. The article is the second and final part of the reconstruction of the circumstances of L.P. Karsavin's post-war life in Lithuania immediately preceding his arrest. The author of the article shows how the philosopher tried to find a place in Soviet Lithuania, but was unable to match the degree of loyalty expected of him. On a strictly documentary basis he describes the relations of the thinker with Vilnius State University, Vilnius State Art Institute, Vilnius Art Museum; reconstructs the circumstances of the arrest of Karsavin's daughter Irina and shows by documents the Karsavin's trip to Leningrad in 1948 and to Moscow in 1949. The author stresses that discussions about the role and scientific status of L.P. Karsavin and V.E. Sezeman in the late 1940s should be included in the broad idea-based context of the ideological campaigns of those years (against objectivism, cosmopolitanism, and low worship of the West).

The article introduces a set of archival documents that are important for the history of Russian thought.

Keywords: Lev Karsavin, Irina Karsavina, Vasily Seseman, classical Eurasianism, history of Russian religious philosophy

For citation: Sharonov, V.I. (2024), “ ‘I would like to get a job in one of the warm republics of our Union’. New materials for the biography of L.P. Karsavin. Part two”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 10–44, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-10-44

Далеко не все происходившее в послевоенной Литве в жизни Льва Платоновича Карсавина к настоящему времени выяснено окончательно¹. Но то, что открыли найденные архивные документы, заставило иначе увидеть многое, что было опубликовано

¹ Следствием недостаточного внимания к архивным документам авторов заметного числа текстов о Л.П. Карсавине остается длящееся тиражирование мифов и неподтвержденных утверждений о судьбе этого ученого, мыслителя и поэта, что представляет собой отдельную, до настоящего времени не решенную проблему. См. подробнее: [Шаронов 2022].

раньше. В первой части настоящего исследования было показано, как недоверие сотрудников органов безопасности по отношению к бывшему идеологу евразийства Льву Карсавину оформилось в цепочку последовательных попыток Льва Платоновича и Ирины Львовны найти свое место в послевоенной советской действительности, но закончилось трагедиями в жизни каждого члена семьи Карсавиных. Основными звеньями, приблизившими эту трагедию, стали: решение Льва Платоновича остаться в освобождаемом от фашистов Вильнюсе, несмотря на имевшийся у него личный опыт репрессий в 1922 г. и возможность оценить довоенные действия сталинской идеологической репрессивной системы в присоединенной Литве; необоснованная уверенность Карсавина, что он сможет достичь компромисса с коммунистами, поскольку советская власть, как и когда-то литовское правительство в 1927 г., заинтересована в использовании его научного потенциала, а его участие в евразийском движении потеряло свою актуальность²; факт передачи Л.П. Карсавину Сувчинским через П.И. Ротомскиса и Ирину Карсавину журнала Ж.-П. Сартра “*Les Temps Modernes*” («Новые времена») с резкой критикой французских коммунистов и сталинской версии марксизма; неосторожная доверительность Л.П. Карсавина и В.Э. Сеземана в оценках советских реалий, действий власти и лично И.В. Сталина³.

Одной из особенностей произошедших событий стало то, что получение и ввоз в СССР журналов антикоммунистической направленности осуществил чиновник, входивший в высшую партийно-государственную элиту страны. Павел Игнатьевич Ротомскис имел внушительный партийный стаж и личные заслуги перед ВКП(б)⁴. Несмотря на наличие его тесной связи с органами НКВД-МГБ

² См. подробнее: [Ермишина, Шаронов 2023].

³ Об этом ранее в первой части настоящего исследования: [Шаронов 2023a].

⁴ *Ротомскис Павел Игнатьевич* (1906–1962), советский дипломат и государственный деятель. С 1928 по 1938 г. находился в тюремном заключении за подпольную деятельность в интересах Советской России. С 1940 по 1941 г. представитель ЛитССР при Совнаркоме СССР. В 1942–1944 гг. сотрудник Консульства СССР в Нью-Йорке. С 1944 по 1948 г. – народный комиссар иностранных дел Литвы, а после реформирования Наркомата – министр иностранных дел Литвы. С 1949 по 1950 г. перемещен на должность ответственного секретаря Союза писателей ЛитССР, затем стал заместителем председателя Вильнюсского облисполкома. С 1956 по 1962 г. возглавлял Общество дружбы с зарубежными странами в Литве.

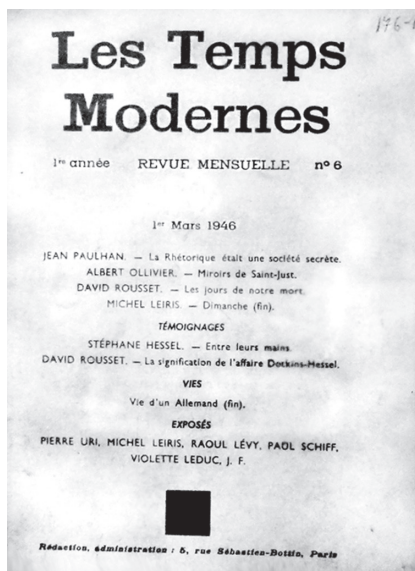

Рис. 1. Фотокопия обложки журнала “Les Tem Modernes”.

1946 г. № 8. Пакет с вещественными доказательствами /

Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной.

I. Karsavinos baudžiamoji byla (Уголовное дело И. Карсавиной) /

Lietuvos ypatingasis archyvas (Особый архив Литвы).

F. K.-1. Оп. 58, б. П-7394 ЛИ. Р. 176-1

еще в период работы в США и личное участие в радикальных политических акциях против А. Сметоны и его сторонников (см.: [Eidintas 2019; Misiūnas 2007]), в истории его отношений с И.Л. Карсавиной нет оснований подозревать его в исполнении роли агента-provokatora. Но при этом вряд «дело о журналах» выглядело совсем не мелочью: для того чтобы кто-то мог представить свою работу крупным и серьезным разоблачением, в нем было все необходимое: связь с белогвардейским лидером, биография подозреваемой — дочери явного врага и крупного представителя буржуазного идеализма, ранее работавшей в посольстве Англии и имевшей специальные поручения, наконец, журналы с нападками на марксизм и лично на Вождя. Даже зная реальную ситуацию, вряд ли кто-то из сотрудников литовского управления НКВД-МГБ допускал, что все произошедшее может быть расценено лишь как результат влюбленности Павла Ротомскиса в Ирину Карсавину, что он хотел угодить ей и узнать подробности

жизни средней сестры Марианны⁵, давно проживавшей в столице Франции⁶.

Душевный порыв дорого обошелся Ротомскису и всем Карсавиным, но сам Павел Игнатьевич заплатил за него наименьшую цену. Для этого он со всем своим дипломатическим опытом взвешивал, выверил каждое слово письменного объяснения случившегося, так, чтобы написанное абсолютно соответствовало сразу всем требованиям: итоговый текст не должен был давать основания для подозрения в утаивании чего-либо. К чести Павла Игнатьевича, в своем документе он не бросил тень на уже арестованную Ирину Львовну:

В 1945 г., когда для сотрудников МИД Литовской ССР мы подыскивали преподавателя английского языка, из университета нам рекомендовали Карсавину Ирину, около 40 лет, с большим стажем преподавательской работы⁷. Договориться с нею было поручено,

⁵ *Сувчинская Марианна Львовна* (урожденная Карсавина, 1911–1994), сотрудничала в качестве автора эскизов женской верхней одежды с парижским журналом “Vogue”, жена П.П. Сувчинского. *Сувчинский Петр Петрович* (1892–1985), музыкальный критик, пианист, один из трех основоположников евразийского движения. Он был выходцем из южнорусского рода графов Шелига-Сувчинских, окончил Петербургский Императорский университет. После эмиграции в 1920 г. организовал Российско-Болгарское книгоиздательство в Софии, на базе которого возник первый евразийский кружок, переросший в евразийское движение. Издатель и главный редактор всех евразийских сборников («Евразийский временник», «Евразийская хроника»), журнала «Версты» и газеты «Евразия». Руководитель Парижской евразийской группы. Друг С. Прокофьева, Б. Асафьева, И. Стравинского.

⁶ С.С. Прокофьев сообщал в 1946 г. П.П. Сувчинскому: «Недавно я получил неожиданно благодарность от отца Марианны Львовны за то, что я “нашел ему его дочь”. Пианистка [гастролировавшая в Вильнюсе М.В. Юдина], которая передала мне это, говорила, что он хорошо выглядит и красив по-прежнему». См.: Письмо С.С. Прокофьева к П.П. Сувчинскому от 27.12.1946 г. / А. Кузнецов. «Дорогой Петр Петрович...» // Музыкальная жизнь. 1991. № 15–16. URL: https://newmuz.narod.ru/st/Pr_Suv02.html (дата обращения 21 ноября 2023).

⁷ В настоящей статье при цитировании архивных документов или указании их названий в сносках воспроизводится орфография, стилистика и пунктуация, использование строчных и прописных букв, а также прямых и наклонных шрифтов, подчеркиваний в том виде, в каком все это используется в первоисточниках.

кажется, т. Тауринскасу⁸. После встречи с Карсавиной выяснилось, что она очень занята и не сможет преподавать для сотрудников нашего министерства. Наконец она согласилась найти время на несколько часов в неделю. Как с наиболее квалифицированным из наших преподавателей, с нею по два урока в неделю занимались я и тов. Книва⁹.

На уроках, во время разговорной практики, мне приходилось беседовать с Карсавиной на самые разнообразные темы. Из таких непринужденных бесед я узнал много подробностей из ее личной жизни. У меня создалось впечатление о ней, как о человеке, насквозь пропитанном мещанскими взглядами, ни во внутренних, ни в между-

⁸ Подпись В. Тауринскаса в качестве временно исполняющего обязанности по кадрам МИД ЛитССР значится на пропуске И.Л. Карсавиной. По странному совпадению этот документ был продлен до 31 марта 1948 г., т. е. точно по месяц ареста Ирины Львовны. См.: ПОСТОЯННЫЙ ПРОПУСК. 2 сентября 1947 г. № 28 / Пакет // Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной. Т. I, II. *Karsavinos baudžiamoji byla. T. I, II / Lietuvos upatingasis archyvas* (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, б. П-7394 ЛИ. Л. 176-4. Далее: «Дело Карсавиной» с указанием номера тома. К «Делу Карсавиной» Т. I приложен пакет с рукописной надписью «Материалы», сделанной синими чернилами. В пакете имеются машинописные тексты переводов и обзоров статей в номерах журнала «Les Temps Modernes». Пагинация двойная, рукописная, выполнена простым карандашом. Далее: «Пакет. Дело Карсавиной».

⁹ *Книва Альберт Пранович* (1912–1970), государственный чиновник ЛССР. В 1935–1939 гг. изучал экономику в Каунасском университете, был заключен в тюрьму за антифашистскую деятельность. Член КПСС с 1944 г. В 1944–1948 гг. замминистра иностранных дел Литовской ССР, в 1948–1949 гг. замминистра просвещения Литвы, член высших партийных органов республики. Затем по 1953 г. министр просвещения и с 1958 г. один из руководящих сотрудников государственного Банка Литовской ССР. По отзывам, в период работы в Министерстве просвещения Литвы отличался крайней заносчивостью и хамством по отношению к нижестоящим подчиненным и учителям и, одновременно, лакейской исполнительностью к начальствующим над ним. По характеристике С. Шлекиса, Книва ходил так важно, будто нес на голове яйцо, и подобрал заместителями грубых и психически неуравновешенных людей. См. подробнее: *Šlekys S. Iš istorijos mokytojo atsiminimų* (1940–1977 m.), URL: <https://www.vilnijosvartai.lt/wp-content/uploads/2017/11/Stasys-%C5%A0lekys2017.pdf> (дата обращения 20 октября 2023); *Knyva Albertas, Knygų metraštis, Enciklopedija, Mokslo darbai ir informacija*. URL: <https://moku.lt/knygu-metrastis/> (дата обращения 20 октября 2023).

народных событиях совершенно не разбирающемся, политикой не интересующемся. Газеты она читала лишь изредка, жила слухами, которые так распространены в среде, в которой она вращалась.

При всем этом я был убежден, что к советскому строю она относится лояльно и уже ни в коем случае не принадлежит к числу наших врагов.

Мне было известно, что в буржуазной Литве она состояла на какой-то незначительной работе в Английском консульстве, из которого, однако, была уволена после того, как не согласилась отказаться от советского гражданства. В подтверждение этого факта она ссылалась на т. Молочкова, работающего в МИД СССР и тогда бывшего одним из сотрудников Советской миссии в Литве.

В конце июля 1946 г. меня известили о том, что я включен в состав Советской делегации на Парижской Мирной конференции и что завтра же я должен быть в Москве для отлета в Париж. Собираясь к отъезду, я вспомнил, что у Карсавиной есть сестра в Париже, и, желая оказать своей учительнице любезность, направил к ней записку с предложением: не хочет ли она передать своей сестре привет через меня? Карсавина тотчас же пришла с коротким письмом, адресованным своей сестре (ее фамилии по мужу я уже не помню, сохранилось в памяти только окончание – “чинский”). Это письмо было незапечатано, и я его прочел: ничего, кроме самых безобидных семейных приветствий, оно не содержало.

В Париже, у работников нашего посольства, я узнал, что фамилия адресата письма им известна и что он возвращается в просоветски настроенных эмигрантских кругах. Тогда по указанному адресу я написал несколько слов, в которых сказал, что у меня есть для них письмо от сестры. Пришла сестра Карсавиной со своим мужем. Я им передал письмо и пообещал принять от них ответное письмо. Через некоторое время они с таким письмом пришли. (Письмо было открыто, и я его тоже прочел, не найдя в нем ничего запретного).

Тут же они спросили, не смогу ли я привезти для Карсавиной в Вильнюс что-нибудь в подарок. Я согласился, и они принесли небольшой узелок, в котором было поношенное платье, флакончик духов и несколько штук журналов на французском языке. Двое из этих журналов были журналами мод, в которых было напечатано несколько страниц с зарисовками, выполненными сестрой Карсавиной. Она сама мне эти свои зарисовки показала, отметила их цветным карандашом и сказала, что, если мне не будет трудно журналы взять, то она бы очень хотела их показать своей сестре. А ее муж от себя добавил несколько номеров небольшого формата журнала на французском языке, названия которого не помню. Журнал мод у меня никаких сомнений ни подозрений не вызвал, что же касается другого журнала, то я показал его товарищам в посольстве, владеющим французским языком (я сам

этого языка не знаю) и спросил, что он из себя представляет. Насколько помню, мне его кратко охарактеризовали, как мало кому известный журнальчик, издаваемый оппозиционно настроенной группой интеллигентов. Из этого я сделал вывод, что ничего особенного в нем нет. Вернувшись в Вильнюс, я весь узелок передал Карсавиной, заметив ей при этом, что журналы передаю ей для личного пользования и ни в коем случае не для того, чтобы она ими с кем-нибудь делилась¹⁰.

В том, что НКВД-МГБ знало о привезенных злополучных журналах Ж.-П. Сартра практически сразу по возвращении литовского министра из Парижа, сомневаться не приходится. Источником информации о запрещенных изданиях мог стать кто угодно – парижские коллеги П.И. Ротомскиса, его заместитель А.П. Книва, или имело место донесение неизвестного агента в самом МИДе, но Ирину Львовну внезапно уволили из университета именно ранней осенью 1946 г. При этом увольняемая не смогла добиться, чтобы ей назвали причину такой внезапной отставки¹¹, хотя еще недавно ее рекомендовали в качестве лучшего преподавателя.

В 1946 г. Карсавин числился, как и все годы до этого, профессором историко-филологического факультета Вильнюсского государственного университета и совмещал эту педагогическую деятельность с преподаванием в Вильнюсском государственном художественном институте¹² и работой в Вильнюсском художественном музее¹³. Неожиданно, как бы «случайно» обнаружилось,

¹⁰ Секретарю ЦК КП(б) Литвы тов. СНЕЧКУСУ А. от Ротомскиса П.И. ОБЪЯСНЕНИЕ // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 45–46. Далее именуется «Объяснение Ротомскиса».

¹¹ Протокол допроса арестованной КАРСАВИНОЙ Ирины Львовны от 12. III. 1948 г. // «Дело Карсавиной». Т. I. Л. 244.

¹² С 1990 г. Художественный институт был преобразован в Вильнюсскую художественную академию.

¹³ Точные сведения о работе Л.П. Карсавина директором и консультантом Вильнюсского художественного музея в настоящей статье пока не могут быть приведены ввиду необходимости дополнительной документальной сверки. Так, недавно литовский исследователь, доцент Вильнюсского университета Г. Поташенко сообщил, что профессор был консультантом музея с 1944 г. и директором с 1947 г. (см. подробнее: [Поташенко 2023]). Это, однако, противоречит тому, что в уголовном деле Карсавина имеется его служебное удостоверение директора, выписанное от 9 августа 1946 г. и продленное до 1 июля 1948 г. (см.: Vilnius Вильнюс 1946 m. rugpjūčio mėn.

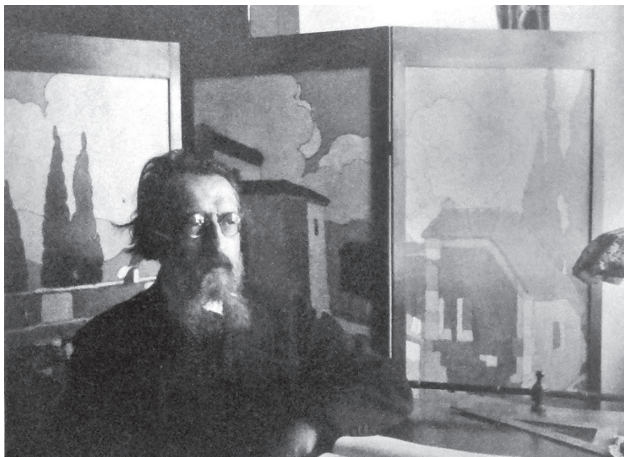

Рис. 2. Л.П. Карсавин.

В одном из кабинетов Вильнюсского художественного музея.

Предположительно 1940-е гг.

Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius.

(Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета).

Ф. 151. Ар. 305

9 d. УДОСТОВЕРЕНИЕ // Пакет № 2 / Уголовное (следственное) дело Л. Карсавина. L. Karsavino baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, б. П-11972-ЛИ. Л. 29-5 – 29-5 (об.)). Пагинация документов в Пакете двойная, через дефис, выполнена простым карандашом. Далее именуется «Дело Карсавина». В уголовном деле Л.П. Карсавина также имеется свидетельство, что в феврале 1948 г. Карсавин еще оставался директором (см.: ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Обвиняемого КАПЛАНАС Исаака Борисовича от 28 февраля 1948 года // «Дело Карсавина». Л. 122). 1 мая 1949 г. на ужине в своем доме В.Э. Сеземан сокрушался, что «КАРСАВИН уволен из института и снят с должности директора музея» (см.: МЕМОРАНДУМ Материалов на преподавателя Вильнюсского педагогического Института профессора – СЕЗЕМАНА В.Э. // Пакет / Уголовное (следственное) дело В.Э. Сеземана. Т. II, Vosylius Sezemano baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas. Т. II (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, дело П-7713-ЛИ. Л. 19. 35-1-25 – 35-1-16 – 35-1-28). На обложке Т. II имеется рукописная надпись синими чернилами: «С материалами проверки жалоб осужденного Сеземана Василия». К делу приложен пакет с надписью «Оперативные материалы». Пагинация документов в пакете тройная, через дефис, выполнена простым карандашом (далее: «Дело Сеземана»). К делу приложен пакет с надписью

что многолетняя деятельность профессора сомнительна с точки зрения соответствия требованиям советского законодательства, т. е. отсутствуют советские документы, подтверждающие научную степень и звание, присужденные еще до революции. Декан историко-филологического факультета Костас Корсакас¹⁴ издал приказ по созданию комиссии, ее члены обязаны были проверить качество научных работ Л.П. Карсавина¹⁵. Действовало ли новое партийное руководство университета по указке НКВД-МГБ или только хотело переложить ответственность за всем известное несоответствие трудов Карсавина марксистско-ленинской теории на членов комиссии, чтобы обезопасить себя идеологически на будущее, выяснить не удалось, однако одно не исключает другое. Комиссия, в составе которой был и В.Э. Сеземан¹⁶, подтвердила научную

«Оперативные материалы». В пакете находится свод донесений агентов и осведомителей, озаглавленный «МЕМОРАНДУМ Материалов на преподавателя Вильнюсского педагогического Института профессора – СЕЗЕМАНА В.Э.» (далее именуется «Меморандум Сеземана»). Пагинация листов в документе тройная, через дефис, выполнена простым карандашом. В.И. Кулешов вспоминал, что в 1950 г. (вероятно, все-таки в 1949 г., в мае или июне) водил своих студентов в музей, и «дирекция музея выделила нам экскурсовода. Им оказался “научный консультант” Карсавин» [Кулешов 1995, с. 175].

¹⁴ *Корсакас Костас Пранович* (1909–1986), литовский и советский литературовед, критик, филолог, поэт и общественный деятель. В 1923 г. начал свой путь как промарксистски ориентированный публицист и поэт. С 1944 г. профессор кафедры литовской литературы и с 1944 по 1956 г. декан историко-филологического факультета Вильнюсского университета. В 1946 г. занимал пост директора Института литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР. В 1949 г. стал академиком Академии наук Литовской ССР.

¹⁵ *Istorijos-filologijos fakulteto dekanas įsakymas dėl komisijos paskyrimo L. Karsavino moksliniam darbams įvertinti // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius.* (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 1. 1 p.

¹⁶ *Сеземан Василий Эмильевич* (1884–1963), философ, публицист. В 1909 г. выпускник Санкт-Петербургского университета, где сдружился с Николаем Гартманом (1882–1950). В 1909 г. командирован в Германию, изучал философию в Марбурге и Берлине. С 1913 г. приват-доцент Петербургского университета. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, с 1922 г. жил в Германии, с 1923 г. по приглашению работал в Каунасском университете, с 1940 г. профессор Вильнюсского университета. Регулярно участвовал в евразийских изданиях, в том числе под псевдонимом В. Чухнин.

квалификацию профессора¹⁷. Тогда декан предложил Карсавину считать его работающим на должности профессора до получения подтверждающих документов, но без признания ученой степени. Лев Платонович вынужден был согласиться, но сопроводил свое согласие резким комментарием:

На признание меня профессором без ученой степени я смотрю как на оскорбление меня самого и моих бывших учителей профессоров Ленинграда, которые присвоили мне научные звания магистра (соответствует теперешнему доктору) и доктора¹⁸.

Карсавин направил в Ленинградский государственный университет и Ленинградский областной архив соответствующие запросы, но ускорение получения ответов требовало выезда в Ленинград или в Москву в Высшую аттестационную комиссию. И профессор «никем не понуждаемый и без предложения с чей бы ни было стороны подал тов. Ректору прошение об отставке “по расстроенному здоровью”»¹⁹. Удовлетворили просьбу Карсавина не сразу, а только после того, как ректор Зигмас Жемайтис провел специальную консультацию с заместителем министра высшего образования СССР В.И. Светловым²⁰. 27 сентября 1946 г. ректор отставку профессора принял – заявление подписал.

В 1946–1947 гг. несколько раз оказывал материальную помощь Савицкому, находящемуся в заключении. В 1947 г. оформил советское гражданство. В 1950 г. арестован, приговорен (ст. 58 УК РСФСР) к 15 годам лагерей. В 1956 г. освобожден, в 1958 г. реабилитирован. До самой смерти преподавал логику и эстетику в Вильнюсском государственном университете.

¹⁷ Pranešimas apie prof. L. Karsavino moksline veiklą ir jo darbus // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138-1. Ap. I. P. 5-8.

¹⁸ L. Karsavino pareiškimas VU Istorijos-filologijos fakulteto dekanui dėl profesoriaus vardo ir daktaro laipsnio pripažinimo // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138-1. Ap. I. 1 p.

¹⁹ МЕМОРАНДУМ. По материалам дела-формуляр «АЛХИМИК» / Пакет № 2. Л. 8–18 // «Дело Карсавина». Далее: «Меморандум Карсавина». Текст машинописный табличный: в левом столбце агентурное имя «Источника» [агента или осведомителя] и дата донесения; в правом – перепечатанный текст сообщения. Пагинация двойная, рукописная, представлена, вероятнее всего, следователем.

²⁰ *Светлов Василий Иосифович* (1899–1955), организатор советского высшего образования, доктор философских наук, профессор. Выпускник

В художественном институте поначалу отношение к Карсавину было вполне благожелательным²¹. С января 1945 г. Лев Платонович в качестве профессора читал там курс истории древнего средневекового искусства, а 1 октября 1946 г. он и вовсе официально возглавил кафедру истории²². Но в конце этого же месяца в газете «Советская Литва» за подписью профессора Вильнюсского государственного университета Малькова²³ была напечатана статья, где читателям предлагалась уже иная трактовка увольнения из университета, нежели по собственному желанию ученого: в результате реформ в университете, проведенных при участии автора публикации, Карсавин уволен, как неподходящий для советского университета профессор²⁴. Этот выпад был ничем иным, как грубейшим передергиванием истории с факультетской комиссией.

Учитывая, что в вышеобозначенной обстановке в Литовской ССР материалы в этой главной партийной и государственной газете республики появлялись только после прохождения строжайшей цензуры и, при необходимости, согласования с НКВД-МГБ, обнаруженное отсутствие советских документов о степени и звании в личном университетском деле Карсавина было только предлогом. Вскоре это подтвердилось резко изменившейся ситуацией в Художественном институте.

9 декабря 1946 г. Вильнюсский государственный университет, и лично сам Карсавин получили Выписку из решения Высшей аттестационной комиссии об утверждении ранее полученной степени доктора и ученого звания профессора²⁵, справка Ленинградского исторического областного архива пришла еще раньше²⁶. Таким образом, и сам ученый, и государственная власть

Академии коммунистического воспитания и Института красной профессуры. С 1946 по 1952 г. был заместителем министра высшего образования СССР.

²¹ «Меморандум Карсавина». Л. 8-18.

²² Трудовая книжка Карсавина Леонас Платонович / Пакет № 2 // «Дело Карсавина». Л. 3.

²³ Сведений о биографии профессора *Малькова* установить не удалось.

²⁴ «Меморандум Карсавина». Л. 8-18.

²⁵ ВЫПИСКА из протокола № 11 от 26 октября 1946 г. Высшая аттестационная комиссия Министерства высшего образования СССР // Пакет № 2. «Дело Карсавина». Л. 29-10.

²⁶ ДИПЛОМ. № 1049. 20 ноября 1946 г. Копия. АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ. ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ЛО [Ленинградская область] УМВД РСФСР / Пакет № 2 // «Дело Карсавина». Л. 29-7.

признали Л.П. Карсавина годным для преподавания в советской высшей школе²⁷.

Однако шестерни запущенного механизма уже вращались в заданном направлении: 19 декабря 1946 г. на дом Карсавину было доставлено извещение от директора Вильнюсского государственного художественного института. Профессору сообщалось, что он, как «с идеологической точки зрения неудовлетворительно исполняющий свои обязанности / профессора и заведующего кафедрой истории искусства / с 16 декабря уволен»²⁸. Вскоре Карсавин получил на руки трудовую книжку с записью: «16. XII. 1946. Уволен как плохо исполняющий обязанности в идеологическом отношении. Приказ № 28 от 1946. 12. 14 д.»²⁹. Очевидно, что трудовую книжку не завели, как положено сразу, а выписали второпях в один подход и задним числом – 25 ноября³⁰, забыв при этом внести в нее запись о работе в должности профессора с января 1945 г.³¹

В январе 1947 г. Лев Платонович направил заявление на имя министра высшего образования СССР, перепечатанное позже в «Меморандуме» фрагментарно и с ошибкой в слове «климат», которой профессор Карсавин сам явно допустить не мог. В словах заявления явственно проступают как мотив осознания Львом

²⁷ «Меморандум Карсавина». Л. 8-18. Оригинал уведомления на литовском языке № 960 от 19 декабря 1946 г. об увольнении из Вильнюсского художественного института, «как неуместный по идеологическим причинам» за подписью директора Витаутаса Юркунаса также имеется в: «Пакет № 2. Дело Карсавина». См. также: «Меморандум Карсавина». Л. 29-6. *Юркунас Витаутас* (1910–1993), литовский, советский художник, профессор, выпускник Каунасского художественного училища. В 1942–1943 гг. участвовал в Великой Отечественной войне в рядах Красной Армии. В 1945–1975 гг. преподавал в Литовском художественном институте (до 1951 г. Вильнюсский художественный институт), в 1945–1952 гг. директор, в 1968–1975 гг. заведующий кафедрой графики; профессор с 1960 г.

²⁸ «Меморандум Карсавина». Л. 8-18–8-19.

²⁹ Трудовая книжка Карсавина Леонас Платонович // «Дело Карсавина». Пакет № 2. Л. 3. Через год, 1 октября 1947 г. Карсавин смог восстановиться в Художественном институте в должности профессора истории искусств (см.: Там же. Л. 4.)

³⁰ Там же. Л. 1.

³¹ Л.П. Карсавин сообщает об этом в своем Заявлении на имя министра высшего образования СССР, в полном объеме перепечатанного в «Меморандуме Карсавина» (см.: «Меморандум Карсавина». Л. 8-18).

Платоновичем совершенной им ошибки – найти компромисс с властью большевиков, так и настроение, близкое к душевному отчаянию:

Я имел возможность бежать из Вильнюса при победоносном приближении Красной Армии, я сознательно со своей семьей остался, чтобы работать Советской Литве, с которой успел сродниться для Советского Союза.

Если мои, ученые труды и более, чем 30-ти летний стаж научно-преподавательской работы в Ленинградском, Каунасском и Вильнюсском университетах кажутся Советской власти ЛССР для литовского народа бесполезными, а может быть даже вредными, а если решение ВАК³² в противном их не убеждает, я очень бы просил указать возможность мне работы по моей специальности (истории, или лучше истории искусства) в какой-нибудь из республик нашего Союза. По состоянию здоровья я бы желал получить работу в теплом климате³².

В это время состояние психического здоровья Ирины Львовны уже было несовместимо даже с небольшими волнениями, но незначительными переживаниями дело не обошлось, и психика несчастной «агентессы» не выдержала. При очередном витке кризиса, 24 мая 1947 г., Ирина Львовна написала донесение на... саму себя. В «Меморандуме» Льва Платоновича, вобравшем в себя основные донесения на него, есть и то, что поступило от Ирины – «Галины» и было перепечатано с ошибками:

Сувчинский прислал с *Ротомскис*³³ для отца источника – КАРСАВИНА Л.П. три книги «Монде модерне» (Современный мир), содержание которых, по определению КАРСАВИНА, имеет евразийское направление. Эти книги после были переданы КАРСАВИНЫМ своему знакомому профессору СЕЗЕМАН, который в прошлом также являлся активным участником евразийской организации. В письме переданном через *Ротомскис* на имя КАРСАВИНА СУВЧИНСКИЙ писал, что он намеревается перевести на фронтисский язык и напечатать часть «трудов» КАРСАВИНА. Но не делается без согласия на то автора³⁴.

³² «Меморандум Карсавина». Л. 8-18.

³³ В обоих случаях фамилия Ротомскиса вписана в данный машинописный текст перепечатанного с ошибками донесения от руки синими чернилами.

³⁴ Там же. Л. 8-19–8-20.

26 января 1948 г. Карсавину пригласил для разговора уже не ее куратор, а сам начальник отдела республиканского НКВД-МГБ. Вопрос был только один – о причинах уклонения от исполнения обязанностей секретного сотрудника. Ирина Львовна ответила, что себя секретным сотрудником считать больше не может, так как сотрудничество с органами МГБ не позволяет состояние здоровья:

Должна сообщить, что после первой беседы с работником МГБ я в течение двух месяцев страдала сильным нервным расстройством и вынуждена была лежать в постели. В силу этого от постоянного контакта в работе с органами МГБ я отказываюсь, так как это приведет меня к тяжелым последствиям, однако в том случае, если мне будет известно о лицах, занимающихся антигосударственной деятельностью, я сообщу незамедлительно³⁵.

Ирина Львовна не раз пыталась вести разговоры с отцом так, чтобы приблизиться к теме своего сотрудничества, но он списывал их на последствия помутнения рассудка и болезненные фобии. «В течение последних 9 месяцев, с июня 1947 г., нервно-психическое состояние моей дочери резко ухудшилось, выразившись в обмороках, бреде и т. п., что также может подтвердить приглашенный мной во время одного из кризисов проф. Марцинкявичус. Содержание ее бреда, необычность ее поведения с июня 1947 г., позволяет мне утверждать, что на нее, крайне больного, и во всяком случае, не вполне нормального человека, оказывается давление»³⁶.

П.И. Ротомскис в своей объяснительной в ЦК КП(б) Литвы от 8 июля 1948 г. также сообщал о крайне угнетенном, нездоровом состоянии Ирины Карсавиной:

В последние полгода с липшим перед арестом Карсавиной в моих занятиях с нею произошел перерыв, и я все никак не находил время,

³⁵ *Арефьева И.С.* «Дело» Ирины Львовны Карсавиной // «Живой колос с духовной нивы». Русские Литвы: история, культура, религия. 17.01.2007. URL: https://web.archive.org/web/20070117142832/http://www.kolos.lt/rassledovanija/delo_iriny_karsavinoj.html (дата обращения 20 ноября 2023).

³⁶ Военному прокурору Литовского военного округа Республиканскому прокурору Литовской ССР Проф. Льва Платоновича Карсавина... Заявление. 29.III.1948 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ап. 33. Л. 1.

чтобы возобновить занятия языком. Однако, проходя мимо, я ее часто видел, как она занималась с другими сотрудниками. Раза два я с ней даже коротко беседовал.

В это время она мне показалась сильно изменившейся, напуганной, очень нервной, страдающей манией преследования. Причины такого изменения мне не были известны³⁷.

Ирину Львовну какое-то очень непродолжительно время еще пытались убедить остаться «Галиной», ее запугивали, «из профилактических целей» уволили не только из Вильнюсского университета, но и из Педагогического института, где буквально днями до увольнений ей предложили возглавить кафедру³⁸. Но все эти меры вначале «пряника», а затем преимущественно «кнута» только усугубляли состояние больной. Видимо, поняв, что скоро она не сможет контролировать поведение в общении со своими знакомыми и может раскрыть им свои отношения с НКВД-МГБ, «не вполне вменяемую»³⁹ Ирину Львовну 13 марта 1948 г.⁴⁰ арестовали на пути домой после занятий по языку с сотрудниками литовского МИДа. На то, что это было ранее продуманным решением, указывает нестандартный срок пролонгации пропуска Карсавиной на 3 месяца – по 31 марта⁴¹, вопреки обычной практике долгосрочного продления пропусков в здание МИДа.

Через неполных 4 месяца после ареста, 31 июля 1948 г., Особое совещание при министре государственной безопасности приговорило Ирину Львовну Карсавину к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Краткая мотивировочная часть приговора была сформулирована так: «За преступную связь

³⁷ «Объяснение Ротомскиса». Л. 46.

³⁸ Председателю Совета Министров СССР Маленкову от Карсавиной Ирины Львовны... ЖАЛОБА. 13 декабря 1954 г. // «Дело Карсавиной». Л. 159 об. – 160 об.

³⁹ Военному прокурору Литовского военного округа Республиканскому прокурору Литовской ССР Проф. Льва Платоновича Карсавина... Заявление, 29.III.1948 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). Ф. 138. Ар. 33. Л. 1.

⁴⁰ В документах «Дела Карсавиной» имеются несовпадения в датах ареста и первого допроса. Так, Постановление на ее арест датировано 27 февраля 1948 г. В протоколе первого допроса обозначена дата 12 марта 1947 г. Во всех дальнейших документах значится дата ареста 13 марта 1947 г. (см.: «Дело Карсавиной». Л. 2–10).

⁴¹ Постоянный пропуск № 28 // «Дело Карсавиной». Пакет. Л. 176-4.

с белоэмигрантами, хранение распространение анти-советской литературы»⁴².

«Журнальная» история Ротомска и Карсавиной на фоне их романтических отношений пока остается недосказанной, поскольку часть документов, содержащих подробности обстоятельств, пока не рассекречены. Формальных признаков, обозначенных в обвинительном заключении Ирины Львовны, в действиях самого Павла Игнатьевича даже больше, чем у нее. В конце концов это именно он *сам* первым (!) «установил связь с белоэмигрантом» П.Н. Сувчинским, встретился с ним, затем использовал дипломатическую неприкосновенность, чтобы фактически конспиративно перевести идеологические вражеские журналы, «распространил» их, не стал информировать органы госбезопасности (читай, не донес на Карсавину) и т. д., даже когда стало известно, что она взята под стражу и доставлена в Вильнюсскую тюрьму НКВД-МГБ. Они последовали, только когда карательная машина развернулась и в его личную сторону после постановления следователя о выделении материалов в отношении П.И. Ротомска в отдельное производство на основании компрометирующих показаний арестованной⁴³:

После ее [Карсавиной] ареста мне сразу же стало ясно, что в процессе ее следствия мое имя обязательно будет фигурировать.

Я уже тогда начал было писать об этом заявление на имя Заместителя Министра Госбезопасности тов. Литкенса⁴⁴, но бросил, так как пришел к заключению, что каждый, читая такое заявление, подумает, что я, пытаюсь избежать неприятностей, говорю то, что и так уже известно. Поэтому со своими разъяснениями я решил ждать, пока меня спросят об этом. А что спросят, я в этом был абсолютно уверен и с нетерпением ждал этого момента.

Сейчас, независимо от того, были или не были в связи с моим поступком какие-либо последствия, я с полной ясностью сознаю, что

⁴² Выписка из протокола № 31 Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР от 31 июля 1948 г. // «Дело Карсавиной». Л. 17.

⁴³ ПОСТАНОВЛЕНИЕ / о выделении материалов в отдельное производство. 18 июня 1948 г. // «Дело Карсавиной». Т. 1. Л. 141.

⁴⁴ *Литкенс Сергей Евграфович* (1912–1990), сын петербургского присяжного поверенного и участника революционного движения. Закончил семилетку и Геологоразведочный ин-т им. Орджоникидзе, Москва (1935). В органах НКВД-МГБ с 1937 г. замминистра ГБ ЛитССР (1946–1949). Исключен из КПСС за «грубейшие нарушения соц. законности» (1955), из КГБ «по фактам дискредитации» (1955).

проявил недопустимую либеральность, недисциплинированность, граничащую с преступлением. Я полностью признаю свою вину в совершенном мною поступке и готов понести любое взыскание, какое на меня будет наложено. Я знаю, что другого пути для исправления моей ошибки нет, кроме преданной работы на порученном мне участке. Как коммунист, даю слово, что ничего подобного со мной не повторится в будущем⁴⁵.

Рассекреченные материалы дела П.И. Ротомска дают основания утверждать о том, какая важность придавалась показаниям арестованной дочери Л.П. Карсавина, они быстро доходили лично до высших руководителей страны: еще в начале июня 1948 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов написал резолюцию на совершенно секретном документе: «С. т. Вышинским [обсуждено и решено]. Надо освободиться от Ротомска»⁴⁶. Через неделю на бумаге поставил подпись зам. Молотова – А.Я. Вышинский, это означало запуск процедуры снятия Ротомска с министерского поста. Копия документа была направлена секретарю и одновременно начальнику Управления кадров ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову⁴⁷.

Секретные рычаги и тяги партийно-государственного реагирования высших органов Компартии и НКВД-МГБ методично рождали бумаги и протягивали их вплоть до 7 сентября 1948 г., когда Политбюро ЦК ВКП(б) специально рассмотрело на своем заседании дело литовского министра иностранных дел, коммуниста П.И. Ротомска. Руководители партии не стали ставить крест на его карьере, отстранив его только от дипломатической работы⁴⁸. На подготовку приказа у МИД ушло 4 дня, и 11.09.1948 г. Павел Игнатьевич перестал быть министром.

Многие документы по этому его делу еще имеют гриф секретности и, возможно, скрывают, что связь с Карсавиной была лишь удачным поводом убрать Ротомска, результатом конкуренции

⁴⁵ «Объяснение Ротомска». Л. 46.

⁴⁶ СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР товарищу Молотову В.М. 10 июня 1948 года № 4801/А // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 41.

⁴⁷ Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950), советский партийный деятель, первый секретарь Ленинградского ГК и ОК ВКП(б) с 1945 по 1946 г., секретарь ЦК ВКП(б) с 1946 по 1949 г. Расстрелян. В 1954 г. реабилитирован.

⁴⁸ Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 65 (пункт 127) от 07.09.1948 г. «О министре иностранных дел Литовской ССР» (об освобождении Ротомска П.И. с поста министра иностранных дел Литовской ССР) // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 37.

за кресло министра, а его особые отношения с Карсавиной были только удобным поводом для смещения. Во всяком случае, это вполне может объяснить, почему П.И. Ротомскис не оказался в тюрьме и даже остался в обойме высшей партийной номенклатуры Литвы.

Испуг Ирины Львовны и ее просьба к Василию Эмильевичу сохранять в тайне факт передачи ему парижских журналов, никак не повлияла на беспечность человека большого теоретического ума – профессора Сеземана. В своей личной практической жизни он был до крайности доверчив и переходил в регистр откровенности даже с тем, с кем познакомился совсем недавно и о прошлом кого он знал только по выдуманной «легенде». Упрек в этом, однако, нуждается в смягчении: в силу особой значимости наблюдения за бывшими «евразийцами» Львом Карсавиным и Василием Сеземаном в их ближайшее окружение был внедрен агент с реальной внушительной дворянской родословной, превосходным образованием и опытом эмигрантской жизни в Париже. Уже на второй встрече после знакомства с Сеземаном агент «Тургенев» (М.М. Туган-Барановский) докладывал:

20 ноября с. г. [1947⁴⁹] источник был вечером в гостях у профессора СЕЗЕМАН, у которого просидел весь вечер.

Во время этого визита говорил гораздо более резко, чем обычно, а поэтому СЕЗЕМАН отнесся к источнику значительно более сочувственно, чем прежде.

⁴⁹ В.Э. Сеземан, опрошенный в качестве свидетеля после изъятия у него дома журналов 12 марта 1948 г., показал:

Весной 1947 года, примерно в мае месяце, близко знакомая мне КАРСАВИНА И.Л., принесла ко мне на квартиру несколько французских журналов “Новое время”, привезенные КАРСАВИНОЙ из Франции, Министром Иностранных Дел Литовской ССР РОТОМСКИС. Содержание всех статей, напечатанных в этих журналах затрудняюсь сказать, но припоминаю, что в отдельных философских статьях разбиралось учение Маркса и марксизм как учение истолковывается в них в националистическом и антикоммунистическом направлении. Когда КАРСАВИНА принесла журналы, то она попросила, чтобы я их хранил у себя и объяснила при этом, что указанные журналы, они боятся хранить у себя на квартире, ввиду того, что опасаются ареста и они могли бы в известной степени скомпрометировать их – КАРСАВИНЫХ перед советскими органами. КАРСАВИНА просила также чтобы журналы никому не показывать...» (ЗАКЛЮЧЕНИЕ по уголовному делу № II-252655 от 6 апреля 1955 г. // «Дело Карсавиной». Л. 168).

Разговор начался с излюбленной темы СЕЗЕМАНА – о культурном застое и постепенно стал затрагивать все политические темы.

СЕЗЕМАН утверждал, что у нас происходит не застой в науке, а сознательное разрешение науки, которое делается для того, чтобы учредить способную духовную диктатуру, по возможности убить все творческие проявления новых людей.

Источник согласился с этим и спросил, а где же выход. Разве СЕЗЕМАН полагает, что в СССР может быть свергнуто правительство, конечно нет, заметил СЕЗЕМАН. Внутренних сил способных свергнуть правительство у нас просто нет. Внешнее – это было бы уже совсем не так уж плохо вряд ли скоро придут, но у меня надежда на другое.

СЕЗЕМАН говорит, что страна находится в умственном застое и виновником он считает одного из руководителей ВКП(б) и Советского Правительства. Смерть его, он считает, спасением для страны, а поэтому каждый из нас обязан, якобы, ее желать с нетерпением, но огорчается тем, что имеется немало его последователей. Если же к власти придет новая фигура, то возможна перемена, так как каждому новому человеку доступны стремления к популярности, а всякое отступление от Сталинизма ее гарантирует.

СЕЗЕМАН сказал, что об этом мечтает и КАРСАВИН. После этого СЕЗЕМАН сказал, что он с ужасом думает об «Отвратительном чувстве, когда ему придется окунуться, в “моральный унитаз при голосовании”».

Кроме того СЕЗЕМАН дал источнику прочитать один № парижского антимарксистского журнала «Новые времена» 1945 года⁵⁰, в котором известный антисоветский публицист САРТ издевается над материалами⁵¹ в статье «Революция и материализм»⁵².

Вскоре, при очередном общении с тем же агентом, Василий Сеземан вновь стал высказывать свои резкие политические оценки происходящего в стране и вспомнил о французских журналах. Рокковым образом и для себя, и для Льва Карсавина он продолжал игнорировать и просьбу Ирины Карсавиной «спрятать» журналы, и любые соображения проявлять осмотрительность и осторожность. Результат не замедлил отразиться в донесении:

⁵⁰ Очевидная опечатка, П.И. Ротомскис привез № 6–8, 10 “Les Temps Modernes” за 1946 г.

⁵¹ Скорее всего, правильно следует читать: издевается над материализмом.

⁵² «Меморандум Сеземана». Л. 35-1-19–35-1-20.

В понедельник 26 апреля с. г. [1947] источник был вечером у профессора СЕЗЕМАН, которому рассказал об истории, которая со мной получилась.

СЕЗЕМАН мое сообщение принял очень горячо к сердцу, сказав, что он глубоко возмущен всем, но впрочем считает в порядке вещей. По его мнению, все что произошло с источником, вполне логично, так как жизнь в СССР состоит из самых несправедливых преследований, которым конца и края нет.

В минуту, когда источник к нему пришел он слушал американское радио, а потому разговор сразу перешел на тему о свободе у нас и Америке. СЕЗЕМАН заявил, что нельзя сравнивать условия морального существования населения там и здесь, ибо в СССР человек находящейся в тюрьме более свободен, чем находящейся на воле, так как в тюрьме он может говорить, не опасаясь ареста, у нас же он и это не может делать.

После этого СЕЗЕМАН посоветовал источнику немедленно зайти к КАРСАВИНУ, так как тот знает одного министра, крайне добросердечного, встречающего всякого пострадавшего.

Переходя к вопросу о передаче источнику СЕЗЕМАНОМ ЖУРНАЛА «Современный мир», источнику СЕЗЕМАН сказал, что получил журнал путем особой оказии, через одного человека. Говоря, что это крайне интересный журнал, позиции которого он разделяет. СЕЗЕМАН подошел к книжной полке и вынул номер журнала, который источнику и передал, сказал, что у него есть несколько экземпляров этого журнала.

<...>

Эти журналы, произвели на СЕЗЕМАНА потрясающее впечатление, так как они, так резко отличаются от наших «ублюдочных» публицистических произведений по этому вопросу. СЕЗЕМАН до сих пор находится под впечатлением от прочитанного и искренне восторгается тем, по его словам, прогрессом общественной мысли, который происходит на западе.

«У меня исчезли всякие иллюзии в возможности прогрессивной политики советской власти», – сказал СЕЗЕМАН. «Я полагаю, – он назвал одного из руководителей ВКП(б) и Советского правительства, который, якобы, сознательно вергает страну в полный нравственный застой».

Усиление нажима на развитие общественной мысли, которое я замечаю на каждом шагу, я объясняю тем, что власть, потеряв всякую почву под ногами, стремится превратить всех своих подданных в механизмов, а потому убивает всякое проявление в области какого ни было духовного творчества⁵³.

⁵³ «Меморандум Сеземана». Л. 35-1-22; 35-1-24.

В сводке донесений агентов в Меморандуме «Алхимика» за 1948 г. нет упоминаний о каких-либо резких словах Карсавина в адрес сталинской трактовки марксизма, государственной власти, партии и лиц, их представляющих. В июле 1948 г., когда еще шло следствие по делу Ирины Львовны, Карсавин отправился в Ленинград. Формальным поводом для поездки «послужила необходимость приобретения для Вильнюсского Художественного Музея русской графики 18–20 веков и художественной картины литовского художника ГАРЕЦКОГО»⁵⁴. Но настоящим поводом для командировки, скорее всего, стала необходимость личного разговора с автором письма, вследствие перлюстрации фрагментарно перепечатанного в меморандум попеременно с донесениями агентов, сопровождаемое предваряющей пометкой об источнике происхождения:

4 августа 1947 года в служебный адрес КАРСАВИНА прошел документ из Ленинграда от некой Е.С. (подробных данных нет). Автор документа пишет:

«Многие, почти все строчки Вашего письма читать было грустно. Только в беседе могла бы я выразить свое к нему отношение (выделено мной. – В. Ш.). Одно лишь скажу: снова чувствую как неверно, чудовищно плохо Вы поступили, как глубоко продолжаете Вы заблуждаться и тешиться своими заблуждениями.

(это понятно, но к старости надо, мне думается, от таких утешений отказаться, хоть и тяжело): «в действительности мое поведение не так уж плохо».

Спустя 24 года, после последнего свидания, я еще с большой уверенностью повторяю свое определение – плохо, неправильно, несправедливо и ненужно избрали Вы свой путь. Утверждаю я это сейчас совершенно освобожденная от былых чрезвычайно острых чувств, вызванных тем поворотом жизни, который избрали Вы...»⁵⁵

Автором этого послания была любовь всей жизни Льва Карсавина – Елена Скржинская. Не исключено, что своей поездкой и личной встречей Лев Платонович откликнулся на полученное от нее письмо со словами о возможной беседе и запоздавшем объяснении. Оно состоялось, и на галерее второго этажа дома № 14 на

⁵⁴ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Обвиняемого КАРСАВИНА Льва Платоновича 29 октября 1949 года // «Дело Карсавина». Л. 172.

Горецкий Фаддей Антонович (1825–1868), художник, академик исторической живописи, педагог. Один из лучших учеников К.П. Брюллова. С 1856 г. жил преимущественно в Париже, где умер и был похоронен.

⁵⁵ «Меморандум Карсавина». Л. 8-23.

Ольгиной улице над тихой речкой Крестовкой они поведали друг другу самое важное для каждого и известное только им двоим⁵⁶.

Весь следующий год до ареста 1949 г. Лев Платонович в основном пытался хоть как-то обеспечивать финансовое благополучие жены и младшей дочери Сусанны и мучительно искал правильное решение возникших проблем. Поездка в Москву была одной из таких попыток нащупать хоть какую-то точку опоры для правильных практических действий. Позже на допросах он сообщал:

Летом 1949 года (в июне), после моего увольнения с работы в Вильнюсском Художественном Музее, я поехал в Москву в Министерство Высшего Образования, чтобы узнать о возможном устройстве на работу.

В других учреждениях я не бывал. В Москве в этом случае пробыл 6–7 дней. Останавливался в гостинице Метрополь.

Поездка была связана исключительно с устройством моих личных дел по работе, хотя закончилось без результатно. <...>

Один раз я был на приеме у Заместителя Министра Высшего Образования САМАРИНА⁵⁷. На этом мои посещения официальных

⁵⁶ См.: *Скржинская М.В.* «И тогда я прочла Карсавину стихи...» // Русофил. 08.10.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/10/08/> (дата обращения 20 октября 2023).

Скржинская Елена Чеславовна (1894–1981), главная любовь и философская муза Льва Платоновича Карсавина, посвятившего ей одну из важнейших своих работ, “Noctes Petropolitanae” (1922). Выдающийся советский историк-медиевист и филолог, выпускница Петроградского университета. В 1930 г. была уволена из Государственной академии истории материальной культуры за участие в богослужениях. Перед войной ее приняли на должность доцента Ленинградского государственного университета, работая в котором она провела в осажденном городе самое трудное время. Дочь Ирины Чеславовны Марина Владимировна Скржинская передала автору настоящей статьи воспоминания о последней встрече Ирины Чеславовны с Львом Платоновичем. *Скржинская Марина Владимировна* (1939 г. р.), советский и украинский историк и археолог, выпускница Ленинградского государственного университета, доктор исторических наук, специалист по истории и культуре Древней Греции и античных государств Северного Причерноморья, до последнего времени работала в Институте истории Украины НАН Украины.

⁵⁷ *Самарин Александр Михайлович* (1902–1970), академик АН СССР, крупный специалист в области физико-химических процессов производства стали. Выпускник Московской горной академии. В 1946–1951 гг. занимал должность заместителя министра высшего образования СССР.

лиц закончились. Перед выездом из Москвы я узнал, что в должности Министра просвещения РСФСР работает мой бывший ученик по Ленинградскому (Петроградскому) Педагогическому – ВОЗНЕСЕНСКИЙ⁵⁸, но посетить мне его не пришлось, так как я уже подготовился к отъезду⁵⁹.

Между тем политическая и общественная атмосфера в стране и в Литовской ССР продолжала ощутимо сгущаться. В 1948 г. секретный агент доносил о том, что все больше волновало В.Э. Селезнев и не только его:

Разговор перешел о предстоящем филологическом съезде. СЕЛЕЗНЕВ рассказал, что недавно из Москвы приехал профессор АБРАМОВИЧ⁶⁰, вернувшийся оттуда крайне взволнованный. АБРАМОВИЧ очень испуган тем, как его уверили в Москве вскоре начнется филологическая дискуссия. В процессе этой дискуссии будет нанесен удар по академику ВИНОВАТОВУ⁶¹ и профессору

⁵⁸ *Вознесенский Александр Алексеевич* (1898–1950), известный советский экономист, организатор науки. Выпускник Петроградского историко-филологического института. С 1948 по август 1949 г. был министром просвещения СССР, на этом посту арестован как один из проходящих по «Ленинградскому делу» и в 1950 г. расстрелян. В 1954 г. реабилитирован.

⁵⁹ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Арестованного КАРСАВИНА Льва Платоновича. От 27 октября 1949 года // «Дело Карсавина». Л. 160.

⁶⁰ *Абрамович Дмитрий Иванович* (1873–1955), историк русской литературы, филолог-славист и палеограф, источниковед, член-корреспондент АН РСФСР, затем СССР. Воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии. С 1927 по 1932 г. был заключенным Соловецкого лагеря. С 1944 г. преподавал историю русского литературного языка в Вильнюсском университете.

⁶¹ *Виноградов Виктор Владимирович* (1895–1969), основоположник собственной научной школы в языкознании, лауреат Сталинской премии. Директор Института языкознания АН СССР (1950–1954), академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1950–1963), главный редактор журнала «Вопросы языкознания» (1952–1969). В 1934 г. арестован по сфабрикованному делу, известному как «дело славистов». Отбывал ссылку в Вятке до 1936 г. и был освобожден для подготовки к юбилею Пушкина, после которого вновь арестован. С 1941 по 1943 г. отбывал ссылку в Тобольске, в 1943 г. судимость была снята. С 1946 г. – академик АН СССР. В 1949 г. его научные подходы стали объектом жесткой критики со стороны последователей Н.Я. Марра.

ШИМАРЕВУ⁶², но это будет только началом. АБРАМОВИЧ опасается, что вообще начнется страшное избиение возможно даже и таких теоретиков, как МАРР⁶³. Сам АБРАМОВИЧ не знает, какой линии держаться, так как не знает, кого и за что будут бить. Во всяком случае, – говорит СЕЗЕМАН, – ясно, что выступление ЛЫСЕНКО⁶⁴, только цветочки, скоро появятся ягодки, когда разойдется новый поход против интеллигенции.

Об этом походе, по его словам, уже известно в Америке, а видные американские ученые, почетные члены Академии наук СССР, отказываются от своих званий, так как по их мнению, после выступления ЛЫСЕНКО советская наука перестала быть наукой⁶⁵.

Д.И. Абрамович почти не ошибся в своих опасениях, поскольку Вильнюсский университет, как и всю страну, вскоре начали сотря-

⁶² Очевидно, что в данном контексте имеется в виду *Шишмарёв Владимир Фёдорович* (1874–1957), русский и советский лингвист, выдающийся литературовед, создатель школы романистики, академик АН СССР (1946). Директор ИМЛИ АН СССР (1944–1947), заведующий сектором романских языков Института языкознания АН СССР (1947–1950), заведующий романо-германским отделом сектора индоевропейских языков в Ленинградском отделении Института языкознания (1950–1957).

⁶³ *Марр Николай Яковлевич* (1864–1934), грузинский, российский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР (1930). В 1921 г. основал Яфетический институт (1921), впоследствии Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра (сегодня Институт лингвистических исследований РАН в Петербурге и Институт языкознания РАН в Москве), в 1926–1930 гг. одновременно был директором Ленинградской публичной библиотеки. Автор теории о происхождении и развитии языков в духе вульгарного марксизма.

⁶⁴ *Лысенко Трофим Денисович* (1898–1976), украинский и советский агроном и биолог. Создатель псевдонаучной теории – «мичуринской агробиологии», академик АН СССР (1939), академик АН УССР (1934), академик ВАСХНИЛ (1935). Герой Социалистического Труда (1945). Лауреат трех Сталинских премий. С 1936 г. директор Всесоюзного селекционно-генетического института в Одессе, с 1940 по 1965 г. директор Института генетики АН СССР. Выступление Лысенко на сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. считается сигналом к перенесению ленинского принципа партийности о недопустимости фракционности и вреде научных дискуссий после принятия голосованием заключительного постановления (по образцу партийных съездов).

⁶⁵ «Меморандум Сеземана». Л. 35-1-22.

сать пароксизмы не одной, а трех идеологических кампаний – против низкопоклонства перед Западом, объективизма и космополитизма. В Вильнюсском университете одним из активных проводников новых ветров стал специально присланный из Еревана в 1948 г. партийный функционер Г.Г. Габриэлян⁶⁶, последовательными публичными и скрытыми выпадами начавший доказывать несоответствие классовой позиции В.Э. Сеземана должности заведующего кафедрой марксистско-ленинской философии. Весной 1949 г. Габриэлян развил особенно бурную идеологическую деятельность по борьбе с объективизмом и во утверждение верховенства принципа партийности в логике. Эта активность сопровождалась нарастающими публичными стычками с Сеземаном⁶⁷, методично доказывавшим, что никакой партийной логики в принципе быть не может. Волны конфликта по инициативе Василия Эмильевича докатились до самых высоких московских кабинетов⁶⁸, но ему это не помогло, он перестал заведовать кафедрой (см. подробнее: [Ша-ронов 2023b]).

⁶⁶ *Габриэлян Генри Габриэлович* (1903–1981) до приезда в Вильнюс работал секретарем райкома и губкома, заведующим отделом печати ЦК Компартии Армении, был редактором партийной газеты «Авангард», директором Института марксизма-ленинизма, заместителем заведующего отделом культуры КП Украины, директором Института истории и литературы, заведующим кафедрой и ректором Ереванского университета. В 1937 г. был исключен из партии, около года провел в тюрьме в ожидании возможного расстрела. Затем был освобожден и попытался вернуться к партийной карьере, с должности заведующего кафедрой философии. В качестве партийного поручения был направлен в Вильнюс. В 1955 г. вернулся в Ереванский государственный университет, где по 1977 г. вновь заведовал кафедрой философии. Затем заведовал кафедрой истории философии и научного атеизма (1970–1978). Считается одним из пионеров изучения истории армянской философии (см.: Գաբրիելյան Հենրի (Հարություն) [Габриэлян Генри / Арутюн] / Վիքիպեդիա. available at: URL: https://hy.wikipedia.org/wiki/%D5%80%D5%A5%D5%B6%D6%80%D5%AB_%D4%B3_%D5%A1%D5%A2%D6%80%D5%AB%D5%A5%D5%AC%D5%B5%D5%A1%D5%B6 (дата обращения 20 октября 2023)).

⁶⁷ В Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза 3-к Сеземана Василия Эмильевича Заявление. 28.XII.1955 // «Дело Сеземана». Т. II. Л. 19.

⁶⁸ В.Э. Сеземан в ходе конфликта отстаивал свою точку зрения на логику как на внепартийную теоретическую дисциплину. С этим вопросом он письменно обращался в ЦК КПСС, Президиум АН СССР, Министерство высшего образования СССР. На словах его поддержали, обещали

В ходе кампании против объективизма в 1949 г. Вильнюсский университет посетил К.Ф. Жигач⁶⁹, занимавший тогда пост начальника отдела научно-исследовательских работ Всесоюзного комитета по делам высшей школы. По словам Карсавина, в мемуарном изложении В.И. Кулешова, Жигачу не понравилось выступление Льва Платоновича, в котором он доказывал, что философия и политика несовместимы. «Московский чин взъерился, потребовал, чтобы ученый совет тут же исключил меня из своих членов и запретил преподавание в университете. Ученый совет колебался-колебался, но все же под нажимом совершил аутодафе. Один Сеземан меня защищал» [Кулешов 1995, с. 176]. Судя по тому, что 2 апреля 1949 г. Лев Платонович был уволен и из Художественного института⁷⁰, визит Жигача состоялся весной, чуть раньше этой даты.

Летом 1949 г. оперативной разработке Л.П. Карсавина органами НКВД-МГБ исполнилось пять лет, если отсчитывать этот срок с освобождения Вильнюса. Надо было подводить итоги усиленного спецконтроля силами шести осведомителей и секретных агентов, сплошной перлюстрации личной корреспонденции профессора. Фактов реальной связи профессора Карсавина с вражеским бело-гвардейским подпольем выявлено так и не было, но оснований для истолкования личного отношения Льва Платоновича как крайне враждебного было с избытком: Карсавин по своей известной от времен молодости склонности к сарказму, привычке использовать уничижительные характеристики не стеснялся оценивать многие темы и людей. В том числе это относилось лично к Сталину, чей культ, согласно донесению агента, он сравнивал с культом императоров в Средневековье, а самого его – с Иудой: «Возьмите последний ответ /назвал имя одного государственного деятеля СССР/ о Венгрии. Разве это не иуда...»⁷¹.

В.И. Кулешов, направленный после окончания аспирантуры и защиты диссертации в Вильнюс, вспоминал, что, по его наблюде-

помочь, но письменно направили руководству университета прямо противоположный отзыв (см. подробнее: «Дело Сеземана». Т. II. Л. 20).

⁶⁹ *Жигач Кузьма Фомич* (1906–1964), выпускник Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева. В 1945–1949 гг. начальник отдела научно-исследовательских работ Всесоюзного комитета по делам высшей школы, с 1949 по 1951 г. возглавлял Главное управление университетов СССР. С 1954 по 1962 г. был ректором МНИ – МИНХ и ГП им. И.М. Губкина.

⁷⁰ Трудовая книжка Карсавина Леонас Платонович // «Дело Карсавина». Пакет 2. Л. 4.

⁷¹ См.: «Меморандум Карсавина». Л. 18–21.

нию, Карсавин вел себя очень неосторожно и крайне саркастически оценивал в разговоре с ним, притом при первом же знакомстве, уровень советских национальных преподавательских кадров: «С кем я здесь работаю? Профессор Дундулис⁷² и профессор Унтулис⁷³. Карсавина прорвало, и он закатился каким-то детским смехом. Видно, это его конек, и он не раз в разговорах острит “Дундулис и Унтулис”» [Кулешов 1995, с. 176].

Подобную же крайне скептическую оценку Карсавиным местных специалистов сообщал в донесении и секретный агент: «КАРСАВИН ругал местных литовских ученых, которые, по его мнению, не имеют даже точного представления, что такое наука:

«Если большевики вместо науки занимаются обобщением, то для этих ослов и обобщения недоступны». КАРСАВИН высказал мысль, что он в таких условиях не знает, что ему делать, со своими трудами, которые по словам его имеют большую ценность.

Издать их в СССР он потерял надежду, у него возникла мысль, как единственный выход, переправить эти труды за границу и издать их там под псевдонимом.

<...>

25/VIII-с.г. при посещении источников квартиры КАРСАВИНА, последний в беседе заявил: «Я считаю, что если несколько лет назад Советская власть была благом для России, то сейчас она вредна. Советская власть необычайно развила народное образование, сделала безумный технический скачок вперед, но что означает техника без гуманитарных наук. В Советском Союзе, наряду с громадным техническим прогрессом, идет страшный гуманитарный регресс. Гуманитарные науки умерли в СССР. Философия превратилась в катехизис коммунизма, история – в ученический примитив, социология вообще умерла. Получилось это в результате того, что советская интеллигенция, молодежь стали рабочими, т. е. не мыслящими человеческими организмами. Поняв все это, теперь я начинаю жалеть, что не уехал с немцами, так как работать я не пригоден, а как сознательный человек – просто не нужен⁷⁴.

Но все это уже принципиально ничего не добавляло к будущему обвинительному заключению. Оно заняло четыре страницы текста, напечатанного с минимальным интервалом.

⁷² Насмешка Карсавина, образованная от бранного «дундук», т. е. глупый, бестолковый человек.

⁷³ *Унтулис Брониус* (1883–1977), выпускник Киевского университета. В 1940–1941 гг. и 1944–1950 гг. преподавал в Вильнюсском университете.

⁷⁴ «Меморандум Карсавина». Л. 8-21–8-22.

На то, что терпением контрразведчиков двигало стремление вскрыть через разработку Карсавина широкую и глубоко законспирированную вражескую сеть, указывает явная несбалансированность в тексте итогового документа следствия объема формулировок, посвященных вине подследственного профессора. Эпизод с французскими журналами, стоивший Ирине Львовне свободы, в констатирующей части обвинения Льва Платоновича уложился в короткую фразу: «получил несколько журналов антисоветского содержания, которое давал для прочтения своим близким знакомым»⁷⁵. Для многочисленных и многословных выпадов в адрес советской власти и высших чиновников, годами старательно собираемых агентами и осведомителями, хватило такого же короткого утверждения: «среди близких знакомых высказывал клеветнические измышления на политику ВКП(б) и Советского Правительства»⁷⁶. Зато все остальное представляло собой своеобразный кондуит с очень подробным перечислением «преступных» деяний арестованного Карсавина совместно с основателями и заметными участниками евразийской организации, а также Русского общевоинского союза П.Н. Врангеля и лично генерала А.П. Кутепова:

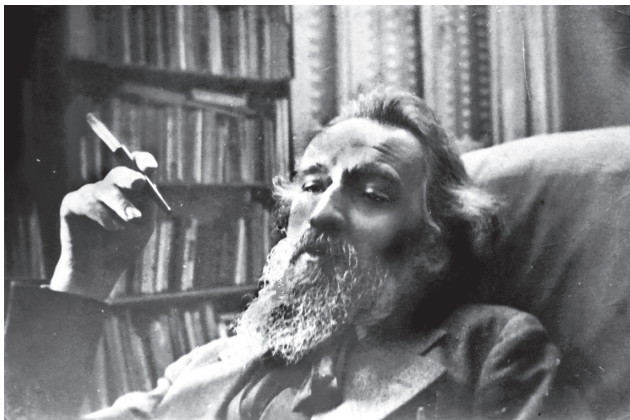
...установил организационную связь с бежавшими за границу – бывшим крупным капиталистом СУВЧИНСКИМ П.П., бывшими министрами деникинского и врангельского белогвардейских правительств – САВИЦКИМ П.Н. и князем ТРУБЕЦКИМ Н.С., вместе с которыми принял активное участие в создании эмигрантской контрреволюционной организации «Евразия», ставившей своей целью свержение Советской власти путем организации восстаний в СССР и установление капиталистического строя. <...>

Контрреволюционная организация «Евразия», одним из руководителей которой является КАРСАВИН, свою подрывную работу против Советского Союза проводила в тесной связи с белоэмигрантской военной организацией «РОВС», руководимой генералом КУТЕПОВЫМ. <...>

В 1925–1928 гг. руководители – евразийской организации СУВЧИНСКИЙ, КАРСАВИН, ТРУБЕЦКОЙ, МАЛЕВСКИЙ, через видных участников «РОВС» – личного адъютанта генерала КУТЕПОВА – полковника ЗАЙЦЕВА и проживавшего в Риге белогвардейского офицера АРТАМОНОВА, неоднократно нелегальным путем перебрасывали в Советский Союз своих эмиссаров САВИЦКОГО,

⁷⁵ ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ По следственному делу 16416. 29 ноября 1949 г. // «Дело Карсавина». Л. 263.

⁷⁶ Там же. Л. 264.

*Рис. 3. Л.П. Карсавин в домашней обстановке. Вильнюс. 1947 г.
Интинский краеведческий музей. Фонд ИКМ – КП 4024/10*

АРАПОВА и других, для установления связи с антисоветскими организациями. <...>

Проживая в 1922–1929 гг. в Берлине и Париже, КАРСАВИН принимал активное участие в антисоветской деятельности других эмигрантских организаций, так называемом «Русском Союзе христианской молодежи», «Русском Научном Институте», где читал для белоэмигрантов лекции, излагая в них враждебные марксизму-ленинизму идеи, клеветал на политический строй Советского Союза...⁷⁷

4 марта 1950 г. Особое совещание вынесло Л.П. Карсавину приговор – 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере⁷⁸. Выходило так, что этим приговором советское государство «наполовину» отозвалось на давнюю просьбу Льва Платоновича направить его для работы в какую-нибудь из республик «с теплым климатом»⁷⁹: 31 марта 1950 г. на этапирование заключенного Карсавина Л.П. был выписан наряд ГУЛАГа МВД СССР № 9/СО – 4225 в особый Минеральный лагерь Коми АССР⁸⁰ близ Полярного круга.

⁷⁷ Там же. Л. 262–264.

⁷⁸ Выписка из протокола № 10 Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР от 4 марта 1950 г. // «Дело Карсавина». Л. 268.

⁷⁹ См.: «Меморандум Карсавина». Л. 8–18.

⁸⁰ НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА «А» МГБ ЛИТОВСКОЙ ССР. 31 марта 1950 г. № 18/11 58735 // «Дело Карсавина». Л. 269.

20 апреля 1950 г. Льва Платоновича Карсавина ознакомили под роспись с приговором, и через 7 дней он был отправлен по последнему в его жизни долгому маршруту⁸¹ – до Ленинградской пересыльной тюрьмы⁸², затем через Вологодскую пересылку в особый лагерь близ станции Абезь⁸³.

Осужденной Ирине Львовне Карсавиной на момент смерти Льва Платоновича в Абези (1952) до окончания десятилетнего срока, определенного ей приговором, оставалось чуть меньше трех лет до дня фактического выхода из мордовского лагеря. 1 июля 1955 г. Постановлением Прокуратуры Союза ССР «решение суда от 31 июля 1948 г. отменено, дело в отношении КАРСАВИНОЙ на основании П-5 ст. 4 УПК РСФСР прекращено за отсутствием состава преступления и 15 июля 1955 г. она из заключения освобождена»⁸⁴. «Заключение о проверке на жалобу по уголовному делу Ирины Львовны Карсавиной № П-252655 от 6 апреля 1955 г.» завершается выводом руководителя комиссии:

В своей жалобе, от 14 декабря 1954 года, на имя председателя Совета Министров СССР, КАРСАВИНА ссылаясь на несостоятельность ее обвинения, просит о пересмотре дела и ее реабилитации.

На основании изложенного и учитывая, что в деянии осужденной враждебного умысла против СССР не было, что осужденная – КАРСАВИНА будучи негласным сотрудником МГБ, сообщала органам МГБ о получении и наличии французских журналов «Новое время»,

⁸¹ Выписка из протокола № 10 Особого Совещания // «Дело Карсавина». Л. 1об.

⁸² Пересыльная тюрьма в Ленинграде располагалась по адресу: ул. Хохрякова, д. 1 – рядом с Инфекционной больницей им. С.П. Боткина, в 10 минутах ходьбы от Александро-Невской лавры. С.С. Хоружий, лично знавший Е.Ч. Скржинскую, рассказывал автору настоящей статьи, что ей удалось каким-то образом узнать об этапировании Л.П. Карсавина и навестить его в тюрьме. Никаких подтверждающих документов об этом нет, напротив, сама Е.Ч. Скржинская сообщает М.В. Юдиной о последней записке к ней с просьбой прислать чаю и папирос: «но вся группа уж была увезена из Лен-[ингра]да, и я ничего не смогла передать» (см.: Письмо Е.Ч. Скржинской к М.В. Юдиной от 12 февраля 1955 г. // Юдина М.В. Обреченная абстракции, символикe и бесплотности музыки. Переписка 1946–1955 гг. М.: РОССПЭН, 2008. С. 430).

⁸³ Отрывной талон Извещения об этапировании // «Дело Карсавина». Пакет № 2. Л. 21об.

⁸⁴ СПРАВКА. 6 сентября 1966 г. № 10/3 – К-71 / «Дело Карсавиной». Л. 175.

ПОЛАГАЛ БЫ:

На основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 31 июля 1948 года в отношении КАРСАВИНОЙ Ирины Львовны отменить, дело производством прекратить и из заключения ее освободить⁸⁵.

Источники

Арефьева И.С. «Дело» Ирины Львовны Карсавиной // Живой колос с духовной нивы: Русские Литвы: история, культура, религия. 17.01.2007. URL: https://web.archive.org/web/20070117142832/http://www.kolos.lt/rassledovanija/delo_iriny_karsavinoj.html (дата обращения 20 ноября 2023).

Военному прокурору Литовского военного округа Республиканскому прокурору Литовской ССР Проф. Льва Платоновича Карсавина. 29.III.1948 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 33.

Дело «Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 65 (пункт 127) от 07.09.1948 г. «О министре иностранных дел Литовской ССР» (об освобождении Ротомскаса П.И. с поста министра иностранных дел Литовской ССР), постановление Секретариата ЦК ВКП(б) № 373 (пункт 126) от 03.09.1948 г. и другие материалы по данному вопросу» // Российский государственный архив новейшей истории. (РГАНИ). Ф. 3. О. 61. Д. 205. Л. 45–46.

Карсавин Л.П. О началах. (Опыт христианской метафизики). Петербург: YMCA-Press, 1994. 375 с.

Карсавин Л.П. О совершенстве // Богословские труды. 2004. № 39. С. 269–295.

Письмо С.С. Прокофьева к П.П. Сувчинскому от 27 декабря 1946 г. // Кузнецов А. «Дорогой Петр Петрович...». Музыкальная жизнь. 1991. № 15–16. URL: https://newmuz.narod.ru/st/Pr_Suv02.html (дата обращения 21 ноября 2023).

Письмо Е.Ч. Скржинской к М.В. Юдиной от 12 февраля 1955 г. // Юдина М.В. Обреченная абстракции, символикe и бесплотности музыки. Переписка 1946–1955 гг. М.: РОССПЭН, 2008. С. 430.

Скржинская М.В. «И тогда я прочла Карсавину стихи...» // Русофил. 08.10.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/10/08/> (дата обращения 20 октября 2023).

Уголовное (следственное) дело В. Сеземана. Т. II. Vosylius Sezemano baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas. Т. II (Особый архив Литвы). F. К.-1. Оп. 58, дело П-7713-ЛИ.

Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной. Т. I; Т. II. Karsavinos baudžiamoji byla. Т. I; Т. II / Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). F. К.-1. Оп. 58, б. П-7394 ЛИ. [2 тома].

⁸⁵ Заключение по уголовному делу № П-252655 от 6 апреля 1955 г. // «Дело Карсавиной». Часть 2. Л. 169–170.

- Уголовное (следственное) дело Л. Карсавина. L. Karsavino baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). F. K.-1. Оп. 58, б. П-11972-ЛИ.
- Գաբրիելյան Հենրի (Հարություն) [Габриэлян Генри / Арутюн] // Վիլնյուսի համալսարանի Գրադարան, available at URL: https://hy.wikipedia.org/wiki/%D5%80%D5%A5%D5%B6%D6%80%D5%AB_%D4%B3%D5%A1%D5%A2%D6%80%D5%AB%D5%A5%D5%AC%D5%B5%D5%A1%D5%B6 (дата обращения 20 ноября 2023).
- Istorijos-filologijos fakulteto dekanas išakymas dėl komisijos paskyrimo L. Karsavino moksliniam darbams įvertinti // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 1. 1.2. p.
- Knyva Albertas. Knygų metraštis, Enciklopedija, Mokslo darbai ir informacija, available at: URL: <https://moku.lt/knygu-metrastis/> (дата обращения 20 ноября 2023).
- L. Karsavino pareiškimas VU Istorijos-filologijos fakulteto dekanui dėl profesoriaus vardo ir daktaro laipsnio pripažinimo // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138-1. Ap. I. p. 1
- Povilas Rotomskis, Lietuviškoji tarybinė enciklopedija, Tom IX, Pintuvės-Samneris, ed.: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, Vilnius, 1982. 482 psl.
- Pranešimas apie prof. L. Karsavino mokslinę veiklą ir jo darbus // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138-1. Ap. I.
- Šlekys S. Iš istorijos mokytojų atsiminimų (1940–1977 m.), available at: <https://www.vilnijosvartai.lt/wp-content/uploads/2017/11/Stasys-%C5%A0lekys2017.pdf> (дата обращения 20 ноября 2023).

Литература

- Ермишина, Шаронов 2023 – *Ермишина К.Б., Шаронов В.И.* Сергей Эфрон Льву Карсавину: «Но Ваше место – пусто!»: письма «левых» евразийцев к Л.П. Карсавину как хроника Клармарского раскола // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 10–45. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-10-45.
- Кулешов 1995 – *Кулешов В.И.* Неожиданная встреча с Л.П. Карсавиным // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 173–178.
- Потащенко 2023 – *Потащенко Г.В.* «Притяжение Литвы». Человек перед лицом истории. Лев Карсавин – историк, воображение, философия «всеединства» // Delfi. 22.06.2023. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/live/prityazhenie-litvy-chelovek-pered-licom-istorii-lev-karsavin-istorik-voobrazhenie-filosofiya-vseedinstva-93873153> (дата обращения 26 октября 2023).
- Шаронов 2022 – *Шаронов В.И.* «Слепая зона» архивного наследия Л.П. Карсавина // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 39. С. 256–291. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-39-256-291.
- Шаронов 2023а – *Шаронов В.И.* «Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза»: Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина. Часть

- первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. Ч. 2. С. 246–268. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-246-268.
- Шаронов 2023b – Шаронов В.И. Философ, не научившийся мудрости // Человек. 2023. Т. 34. № 5. С. 83–113. DOI: 10.31857/S023620070028504-1.
- Eidintas 2019 – Eidintas A. Viena mįslingiausių žūčių Lietuvos istorijoje: nužudyti Smetoną užsakė sovietų specialiosios tarnybos? // Delfi. 25.12.2019. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/viena-mislingiausiu-zuciu-lietuvos-istorijoje-nuzudyti-smetona-uzsake-sovietu-specialiosios-tarnybos.d?id=82980347> (дата обращения 20 октября 2023).
- Misiūnas 2007 – Misiūnas R. Lietuva prieš LTSR. Monografija. Vilnius. “Versus aureus” leidykla. 2007. URL: <https://dokumen.pub/lietuva-prie-ltsr-lt1gt-9955340645.html> (дата обращения 20 октября 2023).

References

- Eidintas, A. (2019), Viena mįslingiausių žūčių Lietuvos istorijoje: nužudyti Smetoną užsakė sovietų specialiosios tarnybos? *Delfi*, 25.12.2019, available at: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/viena-mislingiausiu-zuciu-lietuvos-istorijoje-nuzudyti-smetona-uzsake-sovietu-specialiosios-tarnybos.d?id=82980347> (Accessed 20 October 2023).
- Ermishina, K.B. and Sharonov, V.I. (2023), “Sergey Efron to Lev Karsavin: ‘But your place is empty!’”: Letters from the ‘left’ Eurasians to L.P. Karsavin as a chronicle of the Klamarsky split”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 10–45, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-10-45.
- Kuleshov, V.I. (1995), “Unexpected meeting with L.P. Karsavin”, *Voprosy filosofii (Problems of Philosophy)*, no. 10, pp. 173–178.
- Misiūnas, R. (2007), Lietuva prieš LTSR. Monografija, Vilnius, “Versus aureus” leidykla, available at: <https://dokumen.pub/lietuva-prie-ltsr-lt1gt-9955340645.html> (Accessed 20 October 2023).
- Potashenko, G.V. (2023), “The Attraction of Lithuania”. The Man before History. Lev Karsavin is a historian, imagination, philosophy of the “all-unity”, *Delfi*, 22 June, available at: <https://www.delfi.lt/ru/news/live/prityazhenie-litvy-chelovek-peredlicom-istorii-lev-karsavin-istorik-voobrazhenie-filosofiya-vseedinstva-93873153> (Accessed 20 October 2023).
- Sharonov, V.I. (2022), “The ‘invisible zone’ of L.P. Karsavin’s archival heritage”, *Bulletin of Yekaterinburg Orthodox Seminary*, no. 39, pp. 256–291.
- Sharonov, V.I. (2023a) “ ‘I would like to get a job in one of the warm republics of our Union’. New materials for the biography of L.P. Karsavin. Part One”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies”*, no. 4, part 2, pp. 246–268, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-246-268.
- Sharonov, V.I. (2023b), “A philosopher who has not learned wisdom”, *Chelovek*, vol. 34, iss. 5, pp. 83–113.

Информация об авторе

Владимир И. Шаронов, кандидат педагогических наук, Западный филиал Российской академии государственной службы, Калининград, Россия; 236016, Россия; Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62; sharonovvi@gmail.com

Information about the author

Vladimir I. Sharonov, Cand. of i. (Pedagogy), Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia; bld. 62, Artilleriiskaya Street, Kaliningrad, Russia, 236016; sharonovvi@gmail.com